

Игорь Лернер – интервью

- Вы помните что-нибудь про дальних предков?

Про прабабушек и прадедушек я, к сожалению, не помню ровно ничего.

- А про бабушек и дедушек?

Что касается дедушек и бабушек, то они все с Украины. Оба дедушки погибли на Первой мировой войне и я их никогда не видел. А бабушек помню хорошо. Обе семьи моих родителей жили в селе Кривое Озеро Одесской области. Бабушки жили в своих домах, занимались домашним хозяйством. Жили они в обычной украинской хате. *(Дом из глины или обмазанного глиной дерева, кирпича, обычно крытый соломой)*

- Чем занимались бабушки?

Бабушки держали коров, много кур, засевали большой огород. В общем, были на ногах с утра до поздней ночи. Это хозяйство их и кормило. Более того, они еще помогали продуктами нашей семье. Лея, бабушка с материнской стороны была глубоко религиозна. Это передалось и моей маме. Бабушка всегда ездила в синагогу. Ближайшие синагоги были в городе Первомайске и в Умани. Бабушка Хая, папина мама, была более хозяйственная и гораздо менее религиозная. Лея была добрее, чем Хая у нее с внуками были более теплые отношения. Хая некоторое время жила с нами, у нее не всегда складывались хорошие отношения с моей мамой. Знаете, свекровь с невесткой редко уживаются. Но папа был мудрым человеком, ему удавалось сглаживать конфликты.

- Когда они умерли?

Обе мои бабушки умерли на Украине во время голода в 1932 году. Мы в разгар голода жили уже в Ленинграде, до нас доходили смутные слухи о том, что происходит на Украине. Мы посылали бабушкам посылки. Позднее мы узнали, что они не получили ни одной из них.

-Расскажите про ваше село.

Село было большое, там протекала красивая речка, не помню ее названия. Улицы были очень прямыми. Я плохо помню наше село, каким оно было тогда, когда мы там жили. Воспоминания мои относятся, в основном, к 1939 году, когда мы приехали туда уже из Ленинграда. Вот тогда я увидел прямые улицы, вдоль которых стояли развалившиеся хаты, село почти полностью вымерло во время голода 1932 года. Мои родители жили в бывшем поповском доме. Это был единственный дом в селе под железной крышей. У моих родителей тоже был огромный огород. Засевали его и обрабатывали не ради развлечения – кормились с нашего огорода круглый год.

-Что вы помните о родителях?

Сейчас немного отвлекусь, чтобы рассказать о своих родителях.

Мой отец Хаим Давидович Лернер родился в Кривом Озере в 1896 году. В детстве ходил в хедер, больше никакого образования не получил. Отец участвовал в Первой мировой войне. Попал в зону поражения фосгеном. После этого у него началась астма, он все время кашлял. Вернувшись с фронта, папа сначала занимался крестьянским трудом, а потом стал заведующим магазином. Магазин располагался в нашем же доме, наш дом был большим и, как я уже говорил, крыт железом. Думаю, что родителям платили за это какую-то арендную плату. Магазин был не продовольственный, там продавали всего понемножку, в основном, ткани (большой дефицит в те времена). У меня была фотография, к сожалению, она пропала, на которой изображен перед магазином мой отец с портновским метром в руках. Жили мы по тем временам сравнительно неплохо.

- А когда он умер?

Сразу хочу рассказать, как завершился жизненный путь моего отца. К началу Великой отечественной войны ему было уже 40 лет. На фронт его не взяли по возрасту.

Мобилизовали его санитаром в госпиталь в Ленинграде. Больше мы его не видели. Мы посылали многочисленные запросы. Нам отвечали, что отец не числится ни среди погибших, ни среди пропавших без вести. Много лет спустя я заболел дерматитом и пошел в поликлинику по месту жительства к врачу-дерматологу. Она долго смотрела на меня, а потом спросила: «А Вы не сын Хаима Давидовича?» Оказалось, что во время войны эта женщина работала в госпитале с моим отцом. От нее я узнал, что в какой-то момент все мужчины, работавшие в госпитале были отправлены на фронт, предположительно под Тихвин. Скорее всего, там он и погиб.

- Теперь про маму.

Мою маму звали Хайка Борисовна, урожденная Флеймбойм, она родилась в 1896 году в Кривом Озере, там же, где и мой отец. Точно не знаю, но думаю, что знакомы родители были с детства. Не знаю, в каком году они поженились, но точно знаю, что женились они с хупой по всем правилам.

Мама тоже училась только в хедере, но была гораздо более образованным человеком, чем отец. Она хорошо знала иврит, очень интересовалась еврейской историей. Очень много интересных вещей из истории нашего народа она рассказывала мне в детстве. Моим родным языком, родным языком моих родителей, а также бабушек и дедушек был идиш. Мы дома до самой войны говорили только на идиш.

- Родители были религиозны?

Отец не был очень религиозным человеком, но до самой войны он хранил в специальном сундучке тфилин и талес. У мамы до самой ее смерти хранились два толстенных молитвенника на иврите. Мама до самой смерти старалась соблюдать кашрут. Когда ей было уже около 70 лет, она захотела поселиться отдельно от моей семьи (это было уже в Ленинграде). Она даже в Ленинграде умудрялась где-то покупать кошерное мясо. Я думаю, что одной из причин, которые побудили ее поселиться отдельно, было желание питаться согласно традиции. Она всю жизнь соблюдала Субботу, сама пекла мацу, когда ее нельзя было купить. Когда мы переехали из Ольгино в Ленинград была суббота, а вещи были перевезены только частично. Мамины субботние подсвечники оставались в Ольгино, она разрешила пополам сырую картошку и прикрепила свечи к ее половинкам. Мама умерла в Ленинграде в 1983 году, за всю жизнь ни разу не болела, даже у врача никогда не была.

- А про братьев и сестер родителей помните что-нибудь?

Расскажу, что помню о братьях и сестрах моих родителей. У моей мамы было 4 брата и сестра. Братьев звали Абрам, Мойше, Хаим, Беня. Сестру звали Буя. Жили они в разных городах: в Ташкенте, Куйбышеве, Ленинграде, Киеве, Одессе. Мама со всеми переписывалась. Согласно еврейской традиции всех старших мальчиков в их семьях называли в честь деда, погибшего в Первую мировую войну. Деда звали Борисом. Так получилось пятеро двоюродных братьев Борисов. Все наши Борисы, кроме моего старшего брата погибли на фронте.

У отца была одна сестра Хыня. Она жила на Украине. У нее был муж и дочь Ривва. Ривва была замужем за украинцем, во время войны родные ее мужа прятали ее от немцев. Она работала директором школы. Саму Хыню и ее мужа расстреляли немцы. Я младший сын в семье. Старший брат Борис родился в 1921 году, средний Яков в 1923. Я родился в 1925 году и меня называли Израилем. Как я стал Игорем, расскажу немного позже.

- Кто у вас дома вел хозяйство?

Домашнее хозяйство было в основном на маме. Кроме огорода, который я уже упоминал, помню большие сливовые и абрикосовые деревья. Хорошо помню звук, с которым на железную крышу нашего дома падали спелые абрикосы.

- Скотину держали?

Обязательно держали корову с теленком, много кур. Какое-то время держали даже свиней, но только на продажу. Мама умудрялась не только вести домашнее хозяйство, но и помогать отцу в магазине. Из помощников по хозяйству у нас была только няня, ее взяли, когда родился третий ребенок, то есть я. Эта няня сшила мне из овчины собачку, назвала ее Бобиком. Это была моя единственная игрушка, потому я и помню ее через 80 лет.

У нас не было электричества, пользовались керосиновыми лампами. Была большая печь, типа русской. Водопровода не было тоже, во дворе был хороший глубокий колодец, вода в нем была всегда холодная и вкусная. Под домом был подвал. Мне он казался очень глубоким. Каждый спуск туда был настоящим приключением. В подвале хранились припасы, которых хватало на всю зиму до следующего урожая. Помню огромные яркие тыквы, они хранились очень долго. Мама очень вкусно готовила и меня этому научила. Мою жену она тоже научила готовить традиционные еврейские блюда.

У нас дома отмечались все еврейские праздники. Питались мы только кошерно. В нашем селе была школа, учительница начальных классов снимала у нас комнату. Когда мне исполнилось 6 лет, она заметила, что я хорошо читаю, и предложила отдать меня в школу в первый класс. Таким образом, я стал школьником на год раньше, чем положено. Обучение в школе велось на украинском языке, а я и не знал, что есть языки кроме идиша и украинского. Потом в Ленинграде надо мной в школе смеялись, когда я говорил по-украински. Я окончил на родине один класс, а братья начальную школу.

- Что запомнилось из того времени?

В начале 30-х годов началась борьба с самогоноварением. Это было началом борьбы с кулаками. Сначала говорили, что нельзя тратить зерно на самогон. Говорилось так: «Город голодает, а вы тратите зерно на самогон». Я хорошо помню, как из города приезжали матросы, перепоясанные пулеметными лентами. Они сразу приходили в наш дом и говорили отцу: «Мунчик, (почему-то они так называли моего отца) показывай, кто тут у вас варит самогон? А у кого много хлеба?» У нас был большой двор и сад, да и отец числился в активистах. Поэтому все изъятые самогонные аппараты стаскивались в нашу усадьбу. В аппаратах оставалось неперегнанное сырье, так матросы сами завершали процесс, сливали самогон в бутылки и заставляли мою маму резать и жарить барана. В общем, матросы хорошо проводили время.

Потом борьба с самогоноварением постепенно перешла в изымание хлебных излишков для города. Крестьяне зарывали хлеб в землю, но ничего не помогало. Опять к нам зачастили матросы. Отец придумал такую хитрость. Он клал меня, ребенка, на мешок с пшеницей. А мне говорил: «Будут забирать мешок, а ты плачь и не отдавай. Матросы попытались выдернуть из-под меня мешок, я плакал, хватался за мешок. Матросы сказали отцу: «Ты же сознательный человек, мы же не можем драться с ребенком, отдай по-хорошему». Отец отдал им «мой» мешок, они ушли довольные, больше ничего не искали. Хлеб изымался подчистую, не оставляли ни для еды, ни для следующего посева. Поэтому я не сомневаюсь, что страшный голод на Украине не был связан ни с какими природными явлениями, вроде неурожая, а был следствием проводимой политики.

- Расскажите про печально известный голод на Украине.

Итак, начинался голод. Семью было не прокормить. Отец однажды поехал на Кавказ. Туда он повез ковры, которые были у нас дома, поменял их на кукурузную муку, масло, пшено. Это дало возможность какое-то время продержаться. Но стало ясно, что семье не выжить. Старики и слабые люди начали умирать. Мама плакала, умоляла отца уехать. Наконец, отец принял решение. Мама с детьми поехали в Ташкент к маминной сестре, а отец с братьями поехал в Ольгино, поселок под Ленинградом к

маминому брату, дяде Абраму. Месяца через два мы с мамой тоже приехали в Ольгино.

- Где вы жили в это время?

Первую зиму мы прожили с семьей дяди, я ходил в первый класс (мне пришлось поучиться в первом классе повторно из-за того, что я не знал русского языка). В Ольгино мне пришлось прожить очень долго, до 1963 года. Дядя торговал детскими книгами, хорошо помню, что дома у него стоял рояль, а на рояле куча детских книг. Я начитался всласть.

- Помните первую поездку на поезде?

На минутку вернусь к нашей с мамой поездке в Ташкент. Именно тогда я первый раз в жизни ехал на поезде. Запомнился мне почему-то Харьковский вокзал. Там была большая эстакада, она произвела на меня сильное впечатление, я думал, как же можно такое построить. Ехали мы долго с пересадками. В Ташкенте у меня долго шумело в ушах и дрожали ноги. Еще помню огромный мост через Волгу. А на автомобиле в первый раз проехался, когда жили в Ольгино. Нас в кузове на маленьком грузовике повез купаться наш сосед – шофер.

- А в школу вы ходили?

Я ходил в Ольгинскую школу. Начальная школа была в красном деревянном доме. А средняя в белом. Так и говорили, что в Ольгино две школы – красная и белая. Я учился очень хорошо. Случилось так, что мне пришлось поучиться дважды не только в первом, но и в десятом классе. Об этом я расскажу позднее.

Итак, мы с братьями учились.

- А родители работали?

Папа устроился рабочим на завод. Проработал он там с год, а потом встретил знакомого, который устроил его продавцом в ларьке на рынке. А через два года его перевели в продуктовый магазин заместителем директора. Вскоре он стал директором магазина и работал в этой должности до самой войны. Мама в первое время не работала, но вскоре ввели карточки на продукты. [3] По рабочей карточке продуктов полагалось больше. Ради рабочей карточки мама пошла работать на трикотажную фабрику «Красное Знамя» в Ленинграде. Проработала она там два года, потом стала шить на дому. Мама была прекрасная модистка и швея, она еще на Украине обшивала все село. А когда я пришел в институт в курточке, сшитой мамой, к ней выстроилась очередь из студентов, желающих иметь такую же. Маме не нужны были ни модные журналы, ни выкройки, она сама придумывала все фасоны.

Мы не могла долго жить у дяди, мы стали просить дать нам жилье, в результате нам дали одну комнату на всех. Была еще кухня, большую часть которой занимала огромная плита. Жить впятером там было невозможно, тогда мой старший брат решил написать письмо Сталину. Вот такой он был решительный! Приехал кто-то важный с портфелем и распорядился уменьшить кухню, переделать плиту, в результате чего у нас появилась еще одна комната. Стало лучше, хотя и тесновато.

- Как вы жили в материальном смысле?

Жили мы сначала не богато, но и не бедно. Продукты покупали в магазине. Не голодали, потом, как я уже сказал, ввели карточную систему. Но еще до введения этой системы, жизнь стала стремительно ухудшаться. В магазинах не стало ничего кроме соленых огурцов, квашеной капусты, кваса и черного хлеба. После введения карточек очереди в магазинах были огромными. Мама работала иногда в вечернюю смену, приезжала в Ольгино последним поездом. Мы ее ждали. Дело в том, что многодетным матерям давали на фабрике еду. Поэтому, мы и ждали ее иногда до часу ночи. С 1935 года, когда отец стал работать в магазине, мы зажили получше.

- А отдыхать ездили?

Отдыхать мы никуда не ездили, глупо было ехать куда-нибудь из такого хорошего места, каким было Ольгино.

Ольгино было очень престижным местом отдыха. Летом приезжали люди из города с детьми. У меня было среди этих детей много друзей, но общались мы только летом. Я отлично плавал, любым стилем. Зимой много ходил на лыжах. В школе посещал исторический кружок. Вообще, я увлекался историей, учительница поручала мне делать доклады для одноклассников. Я ходил еще в фотографический кружок, увлекался фотографией, у меня под лестницей был чулан, где я проявлял свои карточки.

- Как вы проводили свободное время?

Любил ходить на школьные вечера, на елки. В Ольгино была хорошая библиотека. Там раньше жило много финнов, поляков и немцев. В годы Большого Террора их всех арестовали, их книги собрали в библиотеку. Поэтому, она была очень богатой. Я очень много читал, всегда очень любил чтение. Дома мы постоянно выписывали газеты. С братьями я жил очень дружно, всю жизнь. Мы не доставляли хлопот нашим родителям. Только Яша любил иногда подраться. Маму пару раз вызывали из-за этого в школу. Мне всегда кажется, что нас воспитывали правильно. Никогда не били. Но многого добивались, словами, внушениями, серьезными разговорами. Большое значение имел и личный пример родителей. Отец не пил и не курил. Ему рекомендовали курить специальные сигареты от астмы. До сих пор помню свое удивление: папа с сигаретой!

- Что вы помните из политической жизни страны? Дома говорили о политике?

Политическая жизнь страны не обходила нас стороной. Мы, школьники 4-го класса, голосовали в школе за расстрел Николаева, убийцы Кирова. Политических разговоров родители при нас дома не вели.

В город из Ольгина ходили поезда-паровики. Мы ездили в город в баню, в Ольгино бани не было.

- Расскажите о начале войны.

Война началась, когда я окончил девятый класс.

Мой старший брат был кадровым военным, служил на дальнем Востоке. Якова мобилизовали в 1942 году. Я записался добровольцем в истребительный батальон. Эти батальоны были созданы для борьбы с диверсантами, шпионами, наводчиками, которые выпускали ракеты рядом с военными объектами и т. д. Каждому из нас выдали винтовку, 120 патронов, противогаз. Все это хранилось дома, мы жили тоже дома, более того учились в школе. По сигналу в любое время дня и ночи мы должны были бежать к месту сбора. Там нас ждали командиры из НКВД, на грузовиках мы ехали прочесывать местность. Однажды неподалеку высадились парашютисты. Таких случаев было 2-3.

- А в чем заключалась ваша роль?

Иногда мы дежурили около важных объектов, это называлось «стоять в секретах». Через некоторое время нас перевели на казарменное положение в Парголово, недалеко от Ольгино. Там мы были до января 1942 года. Было очень голодно. От учебы в школе толку уже не было. Я подал заявление, что прошу принять меня добровольцем в армию. Меня направили в военный городок. Я стал настоящим солдатом. Но на фронт меня посылать было нельзя, мне не было и 17 лет. Я служил в противотанковом полку на конной тяге. У меня была в подчинении кобыла. Еще мне выдали саблю, меня от этой сабли качало, я был очень худой. За кобылой нужно было ухаживать как за ребенком. Утром, не умывшись сам, начинал чистить кобылу. Днем проводились тактические учения. Четыре кобылы учились таскать противотанковую пушку. Однажды мы пришли с учений. Нас не завели в казармы, а стали зачитывать перед строем фамилии бойцов с 10 классами образования. Меня называли тоже.

-Что изменилось в вашей жизни?

Командир сказал, что немцы обстреливают Ленинград из дальнобойных орудий, методов борьбы с этими орудиями нет. Надо что-то делать. Разведчики идут на поиски этих орудий и не возвращаются. Создана специальная станция, очень секретная для обнаружения этих орудий. Для работы на такой станции создано училище армейских инструментальных разведчиков. Идея в том, чтобы орудия не искать по лесам и оврагам, а сложными расчетами определять место их нахождения после выстрела, по звуковым волнам. Нас поселили в отдельной казарме, мы стали спать не на нарах, а на настоящих кроватях. Кормили неплохо, но заниматься приходилось по 8 часов в день. Ленинград был уже в блокаде. Паек, который мне выдавали, спас жизнь не только мне, но и моей маме. Раз в три дня она приезжала ко мне, я отдавал ей свой хлебный паек и пайки трех своих товарищей. Следующие три дня мне приходилось обходиться без хлеба, я его отдавал друзьям. Вскоре мне удалось уговорить маму эвакуироваться, она уехала в Алтайский край. Через два года, когда моего брата Яшу ранило, он после госпиталя поехал к маме. Наука, которой нас обучали, была сложная, кроме знаний требовалась еще и интуиция. Через 3 месяца наше умение проверили под Колпино. У меня хорошо получалось. Мы обнаружили два орудия. Я получил медаль «За боевые заслуги» и понял, что единственный шанс выжить в этой войне, это продолжать службу в инструментальной разведке. Проучили нас еще 3 месяца и отправили на финский участок фронта. Там мы были недолго и снова вернулись на Ленинградский фронт. В конце декабря 1943 года нас подняли по тревоге и отправили через Финский залив в сопровождении ледоколов и авиации на Ораниенбаумский пятачок. Утром перед нами поставили боевую задачу, сказали, что с этого пятачка скоро будет наступление. Мы должны были определить местонахождение всего, что стреляет. Это было не так легко, потому что, например, танки после выстрела отъезжали на другое место, что делало для нас невозможным определить их местонахождение. За нами была настоящая охота, нас специально охраняли, мы всегда располагались в самых надежных землянках. Но, с другой стороны, мы были довольно беззащитны, потому что рядом с местом, где мы располагались, нельзя было ставить никаких орудий, чтобы, пытаясь их разбомбить, немцы не попали случайно в нас. Однажды у нас прервалась связь с одним из наших звукоприемников – прибором, который давал возможность определять местоположение вражеских орудий. Я с двумя автоматчиками отправился искать причину. Мы обнаружили, что провод зацепился за большой куст, подошли поближе, чтобы отцепить провод и вдруг увидели, что в кустах сидят немцы. Увидев нас, они бросились бежать, но одного из них мы успели схватить. К нашему проводу они прицепили взрывпакет, надеясь, что мы дернем посильнее и взорвемся.

-Расскажите о каком-нибудь запомнившемся эпизоде.

Утром 13 января 1944 года началась артподготовка. Я никогда не видел такого количества военной техники. Грохот стоял такой, что не было слышно собственного голоса. Три часа все гудело, вокруг все горело. Кромешный ад! Когда мы пошли в наступление, то с удивлением обнаружили, что не встречаем никакого сопротивления. Остановились, стали смотреть, в чем дело. Оплавленная земля, разорванные в клочья тела немецких солдат – вот, что мы увидели. Первое столкновение было километров через 10, около деревни Копорье. Там был старинный замок, в нем и засели немцы. А нам дали приказ не стрелять по замку, чтобы его не повредить. Мы немцев, конечно, выбили, но понесли серьезные потери. Еще сильное впечатление произвело кладбище немецкой военной техники. Знаете, в связи с этим хочу сказать, что я часто выступаю со своими воспоминаниями о войне в школах. И я заметил, что у современных

школьников сложилось впечатление, что войну выиграли союзники. Так я рассказываю им, сколько я видел искореженных до состояния металлолома английских и американских танков, полученных нами по ленд-лизу. Эти танки были настоящей мишенью для наших танков, они были громоздкими и неповоротливыми. Когда я впервые увидел наш танк Т-34, я испытал настоящую гордость. Самолеты союзников тоже были так себе. Вообще, я считаю, что к концу войны наша армия была настолько хорошо вооружена и организована, что если бы нас не остановили на Эльбе, мы могли бы дойти до Гибралтара.

Но вернусь к своему повествованию. От Копорья мы с боями наступали через Псков, Гдов и Сланцы. До Нарвы все шло неплохо, а там стало потруднее. У реки Нарва один берег низкий, а другой высокий. Немцы засели на высоком берегу. В общем, форсировали Нарву с большими потерями, потом гнали немцев до Таллинна. Там немцы снова укрепились, снова были тяжелые бои. Хочу рассказать об одном событии, которое случилось со мной на реке Нарва. Я взял с собой на фронт несколько самых дорогих домашних фотографий, носил их собой в нагрудном кармане гимнастерки. Аппаратура, на которой я работал, нуждалась в аккумуляторах, у нас они всегда были в запасе. Однажды запас их почти иссяк, и я с группой сопровождения отправился на зарядную станцию. Дорога шла вдоль реки Нарва. Кто-то предложил поехать по льду, т. к. по дороге двигалось большое количество войск. Ну, мы и поехали, передок машины провалился в промоину, к счастью, зацепились бампером. Еле выскочили, но, конечно, промокли насквозь. Мороз, кстати, -20. Стали стрелять в воздух. За нами прибежали, отвезли в госпиталь, девушки-медсестры раздели нас догола, растерли спиртом, дали спирта внутрь. Утром у нас не было даже насморка. Но часто фотографий подмокла. А все фотографии, которые остались дома, сгорели вместе с нашим Ольгинским домом.

Под Нарвой в нашем распоряжении был небольшой пятючок, около 20 квадратных километров. Мы были окружены немцами, продовольствие нам сбрасывали с самолетов. Месяц мы питались пшеном и американским шпиком. Но помню, иду в свою часть, играет аккордеон, девушки в гимнастерках танцуют. Смотрел, иногда сам танцевал, а потом не спал всю ночь, думал, будет ли у меня другая, мирная жизнь. Потом гнали немцев уже до Восточной Пруссии. Оттуда нас по железной дороге перебросили на Одер. Под Одером нам крепко досталось. Это очень широкая река, форсировать ее было очень трудно. Наша группа разведки была на высоте, по нашим данным были подавлены все огневые точки противника. Навели понтонный мост вместо старого, взорванного немцами. После этого нас повернули на Берлин. Я впервые увидел автостраду, большая разница по сравнению с нашими дорогами! Вдруг получаем новый приказ ехать в Прагу. Там чехи подняли восстание против оккупантов, надо им помогать. Опять пришлось немного пострелять, но, конечно, не так, как на фронте. Было это 2-го мая. Потом направились в Силезию, где еще были очаги фашистского сопротивления. Оттуда направились в Вену. Там мы и встретили Победу.

- А как жила ваша мама после войны?

Хочу сейчас рассказать о послевоенной жизни моей мамы. Она хотела вернуться из эвакуации сразу после войны, но наш дом сгорел, возвращаться было некуда. И мама, и брат писали письма в разные инстанции, просили помочь им с жильем. Тогда она попросила меня вмешаться. Я написал рапорт начальнику политотдела. Жду ответа, получаю ответ из Ленинграда, там написано, что уже все в порядке и мама вернулась в Ольгино. Я поехал в отпуск, увидел, что жилье на первом этаже. Очень холодное, неуютное помещение. Пришлось снова похлопотать, наконец, дали маме приличное теплое жилье на втором этаже.

-Расскажите про братьев.

Яков жил вместе с мамой, вскоре женился на девушке из Ольгино и перешел жить к ней. Яков с войны вернулся инвалидом, сильно хромал, у него было ранение в ногу, да еще контузия. Ему было трудно привыкнуть к новой жизни. Но вскоре специально для инвалидов стали организовываться разные курсы. Яков окончил курсы нормировщиков, работал на заводе. Умер Яков в 1989 году. Борис после войны тоже жил сначала с мамой. Он раньше, до войны учился в военном училище, был специалистом по радиосвязи. Он много работал, повышал квалификацию, стал крупным специалистом по электронике. Он нашел себе работу в Ленинграде, ему дали квартиру от работы. Борис, наш старший брат, ездил по всей стране и оборудовал со своей группой телевизионные центры. Объездил всю страну, был даже на Новой Земле. Кроме того, он переоборудовал электронное оборудование крупнейших кораблей наших флотов. Умер Борис в 1998 году.

- А вы что делали в это время?

Теперь о том, как складывалась моя жизнь после победы. Военные части начали расформировываться. Наш полк контрбатарейной борьбы стал разведывательным дивизионом. Часть полка отправилась в Германию, а я в составе дивизиона остался в Вене при штабе армии. Меня сделали заведующим делопроизводством по работе с секретными документами. В этой должности я проработал до 1950 года. Службу там я вспоминаю с удовольствием. В первое время нам была дана установка на сближение с населением, ждали, какая из политических партий возьмет верх. Так вот, пока была надежда, что народ пойдет за коммунистической партии Австрии, мы устраивали вечера для местного населения, поощрялись ухаживания за местными девушками и даже браки с ними. Но вскоре стало понятно, что верх берет народная партия (НПА). Тогда все изменилось, и вышел приказ, запрещающий даже увольнения. Все засели по своим гарнизонам, смотрели на жизнь через окно. Я все время рвался домой, мне нужно было получать образование. А, кроме того, я по роду деятельности должен был отвечать за соблюдение всех новых строгих правил. Это было мало приятно. Был у нас такой Костюченко, фронтовой разведчик, вся грудь в орденах. Так он удрал. Я ездил с сотрудниками, искали его, нашли в Чехословакии. Его судили, за измену родине, попал он в ГУЛАГ, получил 25 лет лагерей.

- Вы пошли учиться дальше?

Я в десятом классе практически не учился, но мне выдали справку об окончании школы. Не аттестат зрелости, а именно справку. А у меня была мечта получить высшее образование. После войны я 5 лет прослужил в Австрии в Центральной группе Войск. Но рвался на родину, чтобы поступить в институт. Отпустили меня только после того, как я написал письмо начальнику политотдела. Я вернулся в Ленинград. Моя семья дружила с моей бывшей учительницей истории Натальей Сергеевной Мичуриной. Мой отец был директором магазина, а с продуктами было плохо, он ей помогал, чем мог. Она преподавала в педагогическом институте. Я сказал, что хотел бы поступить к ней. Она сказала, что без аттестата поступить нельзя, нужно ехать в Москву и менять справку на аттестат. Ехать не хотелось, а еще я подумал, что забыл за 8 лет все, что знал. Решил снова поступить в 10 класс вечерней школы. Меня приняли, но сказали, что обязательно нужно устроиться на работу. Тут-то и начались мои мучения. Месяца два я не ел и не спал. Куда ни приду устраиваться на работу, посмотрят паспорт, увидят пятый пункт и говорят: «Нам работники не нужны». Не брали даже учеником слесаря на завод. А я очень хорошо стрелял. Даже во время войны я пристреливал трофейное оружие. Наконец меня взяли в стрелковый клуб инструктором по стрельбе. Окончил я школу с медалью, значит, я имел право поступать в институт без вступительных экзаменов, нужно было пройти только собеседование. Я хотел поступить в институт киноинженеров. Я позвонил туда, спросил, берут ли они медалистов. Они уверили, что берут с удовольствием. Пришел,

показал документы, говорят: «Вы знаете, уже набрали». То же самое было еще во многих институтах. Однажды я позвонил из телефона-автомата, находившегося буквально рядом с дверью института: «Приходите, пожалуйста!» Прихожу через 5 минут: «Извините, уже набрали». Наконец без звонка поехал в Технологический Институт. Показываю документы: «Ну что, не берете?» Председатель приемной комиссии говорит: «Почему не возьмем, оставьте документы, придете утром». Пришел я утром, мне говорят: «Предварительно вы приняты, приходите на собеседование». На собеседование все медалисты были евреями.

- Вы поступили в институт?

В общем, я стал студентом Технологического института. Окончил я его на все пятерки, я получил «красный диплом». А, кроме того, я был редактором институтской газеты, фронтовиком, членом партии. Поэтому мне предложили выбрать место, где я хотел бы работать после института по распределению. Было два хороших места, одно из них ГИПХ (Государственный Институт Прикладной Химии). В ГИПХ никогда не принимали на работу евреев, все это знали. Поэтому я выбрал второе из предложенных мест, чтобы лишний раз не получать отказа. Каково же было мое удивление, когда я узнал, что меня взяли именно в ГИПХ. Через две недели я вышел на работу. Мой первый начальник был тоже евреем. Там я отработал 42 года, с 1956 по 1998. Работалось мне там очень хорошо. Я был на ведущих работах. Моя первая должность была механик цеха на опытном заводе. Через некоторое время я стал начальником ведущего цеха и в этой должности и проработал до пенсии. Меня никто не вынуждал уйти на пенсию, наоборот, очень уговаривали остаться, буквально, не отпускали.

- Вы продолжаете встречаться со своими бывшими сотрудниками?

До сих пор я не потерял связи с институтом, я член совета ветеранов. Меня привлекают к работе в школах. Я делюсь с учениками своими воспоминаниями о войне. Я считаю своей целью поднять патриотический дух школьников. На мой взгляд, патриотическое воспитание сейчас не на высоте. Когда я выступаю перед детьми, я чувствую, что им тоже этого не хватает. Они задают много вопросов, слушают очень внимательно. Мальчиков интересуют чисто военные вопросы. Девочки - все больше про любовь во время войны. Я специально заглянул в школьные учебники истории, мне показалось, что война освещается недостаточно. В частности плохо описаны «10 сталинских ударов». За время моей работы в ГИПХе я не испытывал никакого антисемитизма, я был на очень секретной работе и на больших должностях. В самом начале моей работы там еще оставались очень немолодые женщины, старые большевички, члены компартии с дореволюционных времен. Вот им не давало покоя мое еврейство. Они считали меня ответственным, например, за войны, которые вел Израиль. Все время спрашивали меня: «Ну что вам нужно в этом Израиле?» Но никакого давления на меня со стороны начальства не было. Когда я пришел в ГИПХ, там было много евреев. Потом их стало гораздо меньше, во времена государственного антисемитизма ГИПХ был один из самых закрытых для евреев институтов. Работы там велись очень важные, оборонного значения, даже теперь я не могу о них рассказывать. Хорошие отношения с сотрудниками я сохранил и по сей день. У меня постоянный пропуск в институт, могу приходить туда, когда захочу. Меня лечат в институтской поликлинике, приглашают на все праздники и торжественные заседания. Вот как раз на днях я иду на собрание, на котором будет решаться, как пройдет празднование Дня Победы. В 1963 году, будучи механиком цеха, я отличился на монтаже одной очень важной установки. Мне

предложили должность начальника цеха. Я же хотел остаться механиком. Дело в том, что механик имел право на досрочный уход на пенсию, в 50 лет. А начальник цеха такой льготы не имел. Но все очень упорно меня просили, и я поставил свои условия: попросил квартиру в Ленинграде, ведь до этого мы так и жили в Ольгино. Мы переехали в город.

-Расскажите о своей семье, детях.

Я женился в 1954 году. Мою жену звали Липина Этелла Иосифовна, родилась она в Ленинграде в 1928 году. Она окончила консерваторию, преподавала в музыкальной школе. Мы познакомились следующим образом. У меня появились сильные боли в копчике. Меня направили на консультацию и сказали, что необходима операция. Я лежал в больнице, где меня навещала моя подруга. Однажды моя подруга не смогла придти и прислала вместо себя свою знакомую девушку. Это и была моя будущая жена. Мы понравились друг другу, стали встречаться. У нас в 1955 году родился сын Александр. Первое время после женитьбы мы жили у ее родителей в центре города. Мне было удобно оттуда ходить в институт, ведь я был еще студентом Технологического института.

У семьи моей жены были родственники в Германии. В 1972 году умер дядя жены, живший в Германии. Он оставил семье моей жены довольно большое наследство. Она поехала его получать, но дядины немецкие родственники смогли отсудить большую часть наследства, ей досталась только однокомнатная квартира. В процессе всех этих хлопот, будучи в Германии, моя жена скоропостижно скончалась. Там она и похоронена.

Мой сын Александр в 1977 году окончил Кораблестроительный институт, пошел работать в конструкторское бюро завода, производившего эскалаторы для метро. Я хотел устроить его в ГИПХ, но он категорически отказался, я тогда не понимал, почему, потом понял. Он хотел эмигрировать в Израиль, а работа в ГИПХе стала бы для этого препятствием. Люди, работавшие там, имели допуск к секретным документам и не имели права не только выезжать за границу, но даже и общаться с иностранцами. Все это Саша и учел, когда отказался от моей помощи в трудоустройстве. Но была и другая сложность. От меня требовалось письменное разрешение на отъезд моего сына. Саша принес бумагу, которую я должен был подписать. Я понимал, что на следующий день после подписания этого документа, я лишусь работы. Я отказал сыну. Тогда он прислал мне по почте два официальных нотариально заверенных бланка. Там было написано, что я должен в письменном виде перечислить мои претензии к сыну, если же в течение 2-х месяцев я этого не сделаю, это автоматически означает мое согласие. Я обратился к некоторым людям у нас в ГИПХе, которые понимали толк в таких делах. Они подтвердили мои опасения, сказали, что если сын уедет, я не проработаю и дня. Я написал, что имею претензии. Через несколько лет, уже при Горбачеве эти же люди сказали: «Теперь пусть едет». Я подписал все бумаги, сын уехал. Сейчас он живет в Чикаго. У него есть дочь.

После смерти моей первой жены я думал, что никогда больше не женюсь. Но судьба распорядилась иначе. Моя вторая жена тоже работала в ГИПХе, тоже занимала ответственный пост. Мы поженились в 1965 году, в 1967 году родился наш сын Олег. Олегу мы старались дать все, что только возможно дать ребенку. Я водил его в хоккейную секцию, на фигурное катание; он учился в музыкальной школе и окончил ее. Совсем маленьким мы водили его по кукольным театрам, потом обязательно покупали абонементы в Кировский театр. Я считаю, что много в него вложил, он

вырос очень хорошим человеком. Он не курит, не пьет, у него хорошая семья. У сына трое детей, наверное, будут еще. Пока у них одни девчонки, думаю, будут рожать «до мальчика». Учился Олег, как и я, тоже в технологическом институте. После института он стал предпринимателем.

Вернусь немного назад. Когда Олегу исполнилось 16 лет, ему нужно было получать паспорт. Отчество его - Израилевич. Я пошел в отдел ЗАГС попросил поменять мое имя Израиль на Игорь «по причине неблагозвучия». Мое заявление долго рассматривалось, но в конце концов моя просьба была удовлетворена. Мне поменяли все документы. Олег стал Игоревичем, а Саша отчества менять не захотел. Меня все старые знакомые называют, конечно, Израиль, но новым я стал представляться Игорем. Уже привык.

Оба сына хорошо учились в школе, хлопот не доставляли.

Жили мы хорошо, у нас было очень много друзей, теперь уже почти никого не осталось.

После смерти моей второй жены в 2000 году я не мог найти себе места от горя. И сейчас мне очень трудно о ней говорить. Не обижайтесь на меня, я не могу про нее рассказывать, мне все еще слишком больно.

- Вы ездили отдыхать?

Мы с детьми почти каждое ездили отдыхать на Черное море. Снимали комнату у одних и тех же хозяев. Они говорили, что мы им больше, чем родственники.

Я всегда очень много и напряженно работал. Кроме того, мне за мою жизнь пришлось пережить два таких голода, хуже которых, я думаю, не было в истории человечества: голод на Украине и блокада Ленинграда. Все это не могло не отразиться на моем здоровье, у меня начались проблемы с пищеварительным трактом. Меня стали посылать лечиться в санатории. Сначала я ездил один. Когда я стал старше, я сказал, что мне нужен сопровождающий. Мне стали давать путевку на двоих – на меня и на жену. После санатория я всегда чувствовал себя гораздо лучше. Помимо всего прочего у нас была свой загородный дом под Ленинградом. Теперь я его продал, без жены мне невыносимо было там бывать. И машину продал, никуда мне не хотелось ездить.

Хочу отдельно рассказать о внуках. Я считаю, что они спасли мне жизнь. После смерти моей второй жены я был совершенно растерян, не знал, как жить дальше. Сын приехал ко мне и забрал к себе, не слушая никаких возражений. Когда родились девочки, жизнь обрела смысл, я их полюбил всей душой, они платят мне тем же. На праздновании моего 80-летия я сказал, что Олег с женой меня пригрели, а внученьки оттаили мне сердце. И так оно и есть!

-Как вы относились к политическим событиям?

Хочу сказать о своем отношении к событиям в Венгрии 1956 года и Чехословакии в 1968 году. Я ведь был во время войны в обеих этих странах, в Чехословакии у меня осталась очень близкая знакомая. Я думал, что ведь мы положили столько жизней за освобождение этих стран от фашизма, наверное, реакция СССР на события в этих странах правильная. Меня часто спрашивают, как я отношусь к падению Берлинской

стены. Знаете, скажу вам правду, может быть, это прозвучит неприлично, но я к немцам отношусь резко отрицательно. Я считаю, что фашизм в Германии неискореним. Будь моя воля, я бы вообще не выводил войска из Германии.

- Ваше мнение о перестройке.

Что касается перестройки, я думаю, что не нужно было резко ломать коммунистическую систему. Думаю, что мы бы все равно пришли к демократии, но сохранили бы моральные, интеллектуальные и другие ценности. Я все время думаю, что к концу войны не было в мире страны сильнее СССР. Мы могли запросто занять всю Европу.

Я посещаю Хесед, участвую в их мероприятиях.